

Алая печать

Автор:

Олаф Бьорн Локнит

Алая печать

Олаф Бьорн Локнит

Трон Дракона #1

Один из популярнейших авторов «Саги о Конане» Олаф Локнит представляет читателям свой новый сериал-тетралогию «Трон Дракона». Вас ожидает увлекательное путешествие в мир киммерийца, вместе с его неразлучными спутниками – Мораддином, Велланом, Тотлантом, Рингой.

Олаф Бьорн Локнит

Алая печать

Посвящается Роберу Маэлю Монброну

И Валоне/Цинтии/Александре.

Что за манера – хватать друзей и

Впихивать их в свои романы!

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУКОПИСЯМ

Принимая на себя тяжкую ответственность пред ныне живущими, а также и поколениями будущего, пред всеми благородными (и не очень благородными, но в то же время весьма достойными) людьми, а с ними – и не-людьми, и далее пред каждым из наших общих друзей, с целью восстановления справедливости, торжества правды и развеивания предубеждений, сложившихся вокруг истории, вошедшей в летописи как «Час Дракона», мы имеем честь приступить к собиранию сих мемуарий в единый фолиант.

Увы нам, но распоряжениями вышестоящих – сиречь государей Аквилонии, Немедии, Зингары, Пограничного королевства и Рабирийских гор – нижеследующий труд, составленный из воспоминаний многих людей, запрещено копировать для лиц третьих в течение близлежащих пятидесяти оборотов солнечного круга, начиная отсчет с 1296 года по основанию королевства Аквилонского. Идея навести столь нелепую таинственность, как всякий догадается, принадлежала ни кому иному, как Его величеству Конану I, из благородного дома Канахов происходящему, каковой и выразил свое поведение в ставшей исторической фразе: «Ежели о том, по вашей вине, узнают за пределами замка короны – на ремни порежу!». Устрашившись сего грозного речения, мы, однако же, не оставили своих намерений, добившись у короля великой милости, сиречь разрешения сделать еще четыре копии мемуара, дабы разослать их ко дворам государя Нимеда Второго, королевы Чабелы Зингарской, засим и в Вольфгард, Эрхарду Оборотню, а после и небезызвестному Драго, владельцу Рабириков. Повелитель Конан милостиво согласился, не переставая однако же грозить страшными карами за раскрытие тайны. Монарший гнев охладила лишь вторая историческая фраза, изреченная королевой Зенобией: «И что ты мечешься? Все равно узнают!»

О чем же предстоит узнать читателям нижеприведенного труда и кто такие «мы»?

Ответим на вопросы не по порядку, но по важности.

Составлен мемуар трудами многих людей, как то упомянуто, но лишь двое удосужились взять на себя заботу о сведении рукописей в единую историю, где каждое воспоминание следует за предыдущим в логической очередности и стройной соразмерности, образуя тем изрядно волнующее любого знатока

литературных меморий повествование.

Сию тяжкую ношу приняли на плечи двое. От лица Аквилонской монархии – Хальк, барон Юсдаль-младший из Гандерланда, библиотекарь и тайный советник короля Конана. Со стороны же Немедии – барон Хэлкарс Целлиг, хранитель королевских анналов Истины, алхимик и собиратель редкостей.

(Примечание от Халька: с изумлением обнаружил не столь уж и давно, что месьор Целлиг является не более, не менее как одним из древнейших приятелей государя Конана, с коим они проводили годы бурной молодости в небезызвестном Шадизаре. Какую воровскую кличку носил тогда Конан, мне не известно, однако же Хэлкарс раскрыл мне тайну своего наименования: Хисс Змеиный Язык. Что привело столь благородного человека в Шадизар, мне неведомо, но я надеюсь однажды раскрыть истину...).

(Примечание от Хэлкарса Целлига, сделанное на полях рукописи: Его звали Малышом!).

Теперь же стоит рассказать о глубинной сути нашей долгой повести. Как всем известно, события 1294–1295 годов от основания Аквилонии сотрясли основы тысячелетней Немедийской монархии, и о тех изумительных, таинственных и грозных днях сказано уже немало в королевских и храмовых летописях. Уяснив, что зачастую общее представление об имевшем место беспокойствии, обуявшем центр Материка, весьма расходится с истинным положением дел, Хальк Юсдаль и Хэлкарс Целлиг решили самоотверженно восстановить истину. С чем и обратились мы к непосредственным участникам прогремевших тайных и явных сражений с просьбой записать самостоятельно или продиктовать нам свои воспоминания или же представить дневники, ежели таковые велись. Результат превзошел любые ожидания, ибо каждый счел своим долгом ознакомить нас со своей точкой зрения на Драконий Час, мнением своих друзей, родственников и просто случайных людей, затесавшихся в эту удивительную историю со стороны.

Однако не будем раскрывать всех тайн! Читайте, изумляйтесь, сравнивайте, выводите умозаключения, а самое главное – взгляните на события дней былых глазами непосредственных свидетелей.

И помните: то, что выглядит как дракон далеко не всегда является настоящим драконом! Равно и наоборот.

Аквилония, Тарантия. Подписано на Праздник Йуле 1296 года собственной рукой Халька Юсдаля из Гандерланда, а с ним и удостоверяется росчерком Хэлкарса, барона Целлига из Бельверуса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Из воспоминаний графа Монброна – I

«О душевном согласии»

Аквилония, Тарантия.

20 день Третьей зимней луны 1294 года

от основания королевства.

– Сударь, чаша моего терпения переполнена! Я крайне недоволен столь безответственным отношением к принятому на себя долгу! Во-первых, вы дворянин и не имеете права расценивать государственную службу как личное развлечение. Во-вторых, здесь не королевская псарня, не кухня и уж точно не канцелярия месьора Публио. В отличие от господина канцлера, я требую порядка, порядка и еще раз порядка! В-третьих, я уже несколько дней не могу дождаться развернутого доклада о вашей поездке в Хоршемиш. Доколе? Доколе, я спрашиваю, будет продолжаться это безобразие? Может быть, вы желаете оставить службу и вернуться в Танасул? Заняться выращиванием цыплят? Перестройкой фамильного замка? Или, допустим, торговлей?

Тут я не выдержал и пробубнил:

– Господин барон, как вы совершенно правильно изволили заметить, я дворянин и, следовательно, заниматься торговлей мне не пристало...

– Ах, значит, не пристало? А манкировать своими обязанностями перед государством и королем, судя по вашей логике, дело вполне дозволительное и благородное? Доклад я жду завтра же! Никакие отговорки не принимаются. Можете присесть, сударь.

Тут я не выдержал второй раз. Извлек из рукава колета плотный, свернутый в трубочку пергаментный свиток, промаршировал вокруг громадного овального стол и почтительно положил злосчастный доклад перед бароном Гленнором, сопроводив сие действие коротким холодным поклоном. Получите-с!

Барон покосился на свиток, поднял взгляд на меня, вздернул брови и снисходительно отодвинул пергамент в сторону.

– Мой дорогой Маэль, я всегда знал, что ты не безнадежен, – их светлость соизволили ухмыльнуться. – Надеюсь, написано без ошибок и твердой рукой?

Я гордо развернулся и отправился на свое место, сопровождаемый веселыми взглядами остальных гостей господина барона. Гленнор вздохнул, побарабанил пальцами по столешнице красного дерева, и вынес негромкий приговор:

– Что ж, с месьором ди Монброном мы разобрались. Теперь ваша очередь, граф Кертис.

Мои собратья по мученичеству со злорадством уставились на очередную жертву неутомимого барона Гленнора. Я же уселся в кресло, сцепил пальцы замком, уперся в них подбородком, сделал вид, что внимаю поучениям и попрекам нашего досточтимого патрона, а сам ушел в размышления о предстоящем вечере...

Да, милостиво прошу извинить за забывчивость. Зовут меня Маэль, граф ди Монброн из династии Монбронов Танасульских. Мне целых двадцать семь лет, и пять последних из них я занимаюсь невероятно важным делом: состою на государственной службе в ведомстве со скучным названием «Департамент по охране и поддержанию душевного согласия в делах королевств Заката, а также и иных стран и земель». Наименование не только скучное, но и, на мой взгляд, наиглупейшее. За сим вычурным фасадом скрываются довольно простые и неприглядные понятия, как то: соглядатайство, присмотр за чужими тайнами, что торговыми, что политическими, всяческого рода вынюхивание,

подсматривание и подслушивание, шантаж, вымогательство, частенько убийство и так далее, и так далее...

Вот такое у нас царит душевное согласие. Другими словами, наш департамент, именуемый старинным аквилонским словечком «Латерана» (что в переводе на язык нынешних времен означает «Чертополох»), является тайной службой нашего богоспасаемого королевства. «Чертополохом» нас прозвали не зря – такие же прилипчивые, колючие и настырные. Вдобавок «Латераной» именуется загородное поместье его милости барона Гленнора, уже двадцать лет бессленно трудящегося на поприще узаконенного злодейства. Гленнор занял пост главы «Душевного согласия» еще при короле Вилере, и выкорчевать господина барона из его мягкого кресла столь же трудно, сколь и чертополох с грядки. Уж простите за дурацкий каламбур.

А кто во всем виноват? Кто в ответе за то обстоятельство, что дворянин с родословной, уходящей ко временам Эпимитриуса, сорок второй граф ди Монброн, виконт Эрвиллер, сеньор Аланкура и прилегающих земель, а также прочая, прочая и прочая, занялся столь неподобающим ремеслом (хотя в Аквилонии имеется стойкая дворянская традиция службы в Латеране – оказывается, быть лазутчиком, а проще говоря, шпионом, за границей для дворянина ничуть не позорно)?

По чьей вине я, вместо того, чтобы сидеть в родовом замке, разъезжать по турнирам и охотам, процветать и благоденствовать в стенах фамильного гнезда, расположенного среди плодородных земель Танасульского герцогства, уже пять лет верчусь, как бурундук в колесе? Бесчисленные разъезды, нескончаемые путешествия, опасные и не всегда чисто плотные поручения, каковые я, стиснув зубы, вынужден исполнять беспрекословно! Нудная бумажная работа, выражающаяся в составлении докладов и отчетов! Великие боги, как хорошо было в пиратах! То есть, простите, не в пиратах, а в королевских корсарах Его величества Фердруго Зингарского... Впрочем, это совсем другая история, и расскажу я ее несколько позже. Сейчас я требую у самого себя ответа на вопрос – кто виноват?

Они! Кто «они»? Перечисляю по порядку – дракон по имени Геллир, прекрасная дама Агнесса ди Вальехо из Зингары, мой собственный предок, которому не лежит в могиле уже четвертую сотню лет, и, разумеется, некий Конан Канах, теперь известный как король Аквилонии.

* * *

Словом, почти ровно десять лет назад, я, потворствуя семейной традиции и еще не остывшему юношескому пылу, отправился охотиться за драконами. Не надо скалиться, не вижу ничего смешного! Монброны спокон веку являлись потомственными драконоборцами. Причина сего занятия кроется в одной очень древней и донельзя неприятной истории, связанной с тем самым моим предком, который несколько столетий слоняется по Закатному Материку, корчит из себя мага и вообще являет собой человека в общении крайне неприятного.

В те памятные времена я оказался в Карташене Зингарской. Милый тихенький городочек, по сравнению с Тарантией или Кордавой – глушь и провинция... Но! Возле Карташены внезапно объявился дракон! И не какой-нибудь захудалый виверн или амфитерн. Настоящий геральдический дракон! Четыре лапы, два крыла, длинный хвост и огнедышащая пасть. Вдобавок – редкий золотисто-бронзовый окрас чешуи. Красота! Какой трофей!

Одна беда – названный дракон по имени Геллир был самым последним в роду геральдических крылатых змеев и охотился на него не только я один.

Вторым претендентом на голову, хвост, крылья, клыки и когти Геллира являлся капитан Конан Киммериец, хозяин, владелец и безраздельный повелитель карака «Вестрел», королевский корсар и фаворит ее высочества принцессы Чабелы Зингарской.

Конану требовался отнюдь не дракон – варвара прельщали большое вознаграждение, обещанное за жизнь чудовища, и, как всегда, личная слава. В общем, это долгая история, с которой любые желающие могут ознакомиться в королевской библиотеке Тарантии – пару лет назад я рассказал все подробности нашего с Конаном приключения хранителю книжных анналов замка короны Хальку, барону Юсдалю. Хальк скрупулезно записал мою повесть, подшил пергаменты... Словом, идите и читайте.

Каковы же были последствия событий тех лет? Дракон, обретя сокровище – яйцо с двумя зародышами-дракончиками – улетел, мы с Конаном решили, что убивать Геллира вовсе не следует, прекрасная дама Агнесса вышла замуж, но увы, не за

меня, досточтимый предок, ошивавшийся неподалеку и чинивший всем мелкие гадости, удалился в долгое странствие, а ваш покорнейший слуга, дабы избавиться от недуга безответной любви, попросился в команду «Вестрела», куда и был принят Конаном и его ближайшими сподвижниками.

Следующие пять лет я провел исключительно весело и хлопотно. Нас постоянно кто-то ловил, мы кого-то грабили, горели, тонули, искали сокровища и теряли их, с достойным уважением постоянством безобразничали в Кордаве, разнося в щепки портовые кабаки, а в результате принцесса Чабела вынуждена была постоянно заступаться за нас перед папочкой-королем... Через полтора года после событий с драконом Геллиром, Конан покинул нашу разудалую команду, потому что «Вестрел», к сожалению, погиб, а команда разбежалась кто куда. Киммериец, насколько я знаю, отправился на Полночь, я же вместе с Сигурдом и Зелтраном, ближайшими друзьями и помощниками Конана, вернулся в Кордаву. На старые сбережения мы купили новый корабль, окрестили его «Крылатым змеем» и вплоть до 1288 года по основанию Аквилонии продолжали бороздить Закатный океан в поисках приключений, золота и просто интересной жизни.

Жарким летом упомянутого года в Кордаву, в гавани которой стоял наш карак, пришли невероятные известия. Государственный переворот в Аквилонии! Пуантенская партия наконец одержала верх в многолетней борьбе с Нумедидесом и династией Эпимитреев! Трон, однако, достался вовсе не герцогу Пуантена Троцero и не его многообещающему племяннику Просперо, а никому не известному человеку с варварским именем Конан Канах.

В Кордаве сначала никто не поверил столь невероятным слухам. Когда же из Тарантии явилось официальное посольство, я, Сигурд и Зелтран поняли, что невозможное все-таки стало реальностью – мы отлично знали о предсказании, данном нашему прежнему капитану, Конан частенько любил позубоскалить над невежеством и лживыми посулами оракулов. Напредсказывали, понимаешь, Нергал знает что!

Тогдашние события я понял так: пуантенские герцоги, конечно же, имели права на аквилонский трон, пускай и весьма призрачные. Но, если бы Троцero короновался, немедленно восстали бы Боссония и Гандерланд, затем гражданская война, распад страны... Лучшим кандидатом на королевское звание казалась личность, не принадлежавшая к благородным семьям Аквилонии, человек со стороны. Причем человек достаточно сильный, умный и расчетливый, способный при поддержке пуантенцев крепко взять власть. Троцero с

племянником такого человека нашли. Выбор, конечно, странный: безродный варвар, с точки зрения любого дворянина – дикарь, необразованный наемник, хам и подзаборный пес... Я, впрочем, мог сообразить, чего стоит такой «подзаборный пес». Согласен, Конан не имел опыта управления страной, но у него были прекрасные советники – Просперо, старый герцог Публио Форсеца, назначенный государственным канцлером, и, между прочим, столь обожаемый мною барон Гленнор. Старый лис, предводитель Латераны, мгновенно понял, куда ветер дует, и незамедлительно поставил свою неприметную организацию на службу новому королю.

Однако я увлекся. Что же поделявал в это время уже знакомый вам Маэль Монброн?

К третьему летнему месяцу 1288 года в Кордаву внезапно (как всегда!) появился мой бессмертный родственничек. Райан Танасульский во всей красе – нечто среднее между странствующим рыцарем без единого золотого в кармане, бродячим фиглярком и мошенником на доверии. Как обычно, злосчастного предка сопровождала большая рыжая собака с плоской мордой, обрубленным хвостом и скверным характером. Подозреваю, что псу тоже перепала часть бессмертия Райана.

– Деточка, все пиратствуешь? – с обычным змеиным ядом в голосе спросил предок, отыскав меня в кабаке с лирическим наименованием «Морская свинья». – Не надоело ли? Твой папенька, между прочим, заждался возвращения наследника...

– А тебя Нергал заждался, аж рыдает от одиночества, наверное, – грубо ответил я. Долгое общение с пиратами, знаете ли, не способствует куртуазии речи. – Зачем пришел?

– Фу, как невежливо, – притворно оскорбился Райан. – Потомство должно уважать прародителей, тебя никогда не учили этой догме? Вдобавок я старше тебя почти на пятьсот лет.

– Ладно, оставим, – поморщился я. – Надеюсь, теперь досточтимый предок милостиво соизволит объяснить причину своего появления? А заодно перестанет гнусить об избранном мною поприще? Может, вспомнишь, кто именно посоветовал любезному потомку уйти в пираты?

Это была истинная правда. Именно Райан, видя мои душевные терзания из-за графини Агнессы, авторитетно заявил, что любовную страсть можно излечить лишь хорошим путешествием, перемежаемым хорошими драками. А я, молодой и неопытный, согласился с этим малодостоверным постулатом.

– Возвращайся домой, – серьезно ответил Райан и отнюдь не по-старчески одним махом опрокинул полную кружку вина. – Но не в Танасул, папенька подождет. Тем более, твои братцы дожидаются наследства, пребывая в полной уверенности, что старшенький пропал навсегда и делить графскую корону вместе с землями придется без твоего участия.

– Что мне делать в Тарантии? – я ошеломленно развел руками. – Конечно, дворянин с моей родословной может пристроиться даже в столице великого королевства, но я не вижу там для себя никакого подходящего занятия. К тому же после переворота, случившегося весной, всю идет дележ должностей и привилегии. Чужака к государственной кормушке никто не подпустит. Кроме того, я привык к морю...

– Великий Митра и Всеблагая Иштар! – взвыл предок, поднимая взгляд к потолку. – Неужели из тебя до сих пор не выветрился отвратительный дух романтики, коим ты был пропитан пять лет назад? Говоришь, к кормушке не подпустят? И дела интересного не найдется? Послушай лучше, что тебе скажет старый Райан...

Проклятуший предок нагнулся к моему уху и начал горячо нашептывать. Что ни говори, а дар убеждения у Райана за четыреста с лишним лет никуда не пропал. Короче говоря, следующим утром я явился на борт корабля, сообщил капитану Сигурду, что теперь моя жизнь мне не принадлежит и я обязан покинуть теплое Полуденное Побережье, сменив его на туманные просторы родной Аквилонии.

Опытный Сигурд немедля спросил:

– Юбка или политика? Если юбка – не отпущу. Если политика, тогда дело обстоит серьезнее – пускай Имир указывает тебе путь.

– Политика, – признался я, будучи не в состоянии врать своему капитану.

– Ага, понял, – ухмыльнулся в бороду морской бродяга из Ванакхайма. – Собирай мешок, возьми свою долю из добычи и поезжай. Увидишь капитана Конана – передавай поклон от Сигурда.

И как он только догадался?

В Аквилонию я добирался в одиночестве. Предок, правда, намекнул, что мы еще встретимся, но после беседы в таверне «Морская свинья» злокозненный Райан исчез бесследно. Счел, что миссия по возвращению потомка с истинного пути на кривые дорожки неизвестности выполнена целиком. Старый авантюрист. И собака у него противная.

Дороги, дороги... В обход зловещих Рабирийских гор по берегу Хорота до аквилонской границы, затем паромная переправа через Алиману, затем в Гайярд, столицу герцогства, оттуда – снова на реку. Последняя переправа – и вот передо мной Дорога Королей, широкий мощный тракт, проходящий через главный город нашего славного Аквилонского королевства.

Ничего особенного по пути я не заметил. Разъезды дорожной стражи, как и много лет назад, норовят взять лишнее, паромы, как обычно, не дожدهшься, в кабаках и постоялых дворах обсчитывают, но в целом... Обычная жизнь. Разве что вензель на гербах сменился, две буквы «К» – «Конан Канах». Наш удалой капитан принял под свою руку огромное государство.

Тарантия, однако, выглядела несколько по-другому, чем прежде. Последний раз я был в столице проездом пять лет назад и поспешил ее покинуть. Старейший Нумедидес решил, что будет проще сохранить трон и корону не благодаря своей милости или мудрости государственных мужей, но при помощи устрашения. Виселицы, каждодневные казни «заговорщиков»; Железная Башня стала настоящим пугалом для любого добропорядочного подданного... Теперь столица украшена знаменами (в основном пуантенскими), народ пребывает в некоторой растерянности, а следовательно, пьет больше обычного, пошлина на въезд в город снижена аж в целых три раза, но виселицы без дела не простаивают – Конан человек умный и знает, что утвердиться в новом положении ему помогут два главнейших деяния: щедроты со стороны короны по отношению к подданным и публичное повешение наиболее запятнавших себя фаворитов времен прошлого царствования.

Я остановился в скромной, но чистенькой таверне на окраине города, сбегал во дворец, подав в канцелярию прошение о личной встрече с королем, получил ответ, что таковой встречи ждать придется не меньше трех-четырех лун («Его величество очень занят важными государственными делами, а поэтому вам, граф, придется подождать. И герцоги, и принцы ждут, ничего не поделаешь, ваша милость»). Иные просители, дожидавшиеся в приемной, довольно прозрачно (хотя и шепотом) намекнули мне, что в королевстве есть только два или три человека, которым аудиенции не приходится никогда, и сей список возглавляет некая Эвисанда, графиня Аттиос, с коей – о ужас! – новый король в открытую сожительствует, несмотря на то, что госпожа графиня замужем!

Узнаю замашки нашего капитана. Приличия его интересовали только тогда, когда ему это было выгодно.

Удивление мое было безмерным, когда ровно через двое суток в таверну «Полная луна» заявили четверо королевских гвардейцев в черно-серебряной форме Черных Драконов и спросили у хозяина, здесь ли проживает Маэль ди Монброн. Такого Монброна приказано доставить к королю живыми или мертвым, но лучше живым.

Он принял меня в небольшом кабинете жилого крыла дворца. В замке странно пахло и я не сразу понял, что тарантийская крепость провоняла краской – начало нового царствования решили ознаменовать грандиозным ремонтом. Варвар, как и прежде, одевался без всякой роскоши, внешне почти не изменился, только темные волосы у висков чуть посеребрились.

– Ага, вот и мое прошлое, – безапелляционно заявил король, едва я миновал порог кабинета. – Ну, Маэль, зачем явился? Титулов, чинов, денег? Просьбы, прошения, челобитные?

– Э... Просто в гости, – запнулся я. – Честное слово, мне ничего не надо! Конан, как ты мог подумать такое? Денег мы с Сигурдом заработали достаточно...

– С Сигурдом? – восхищенно воскликнул Конан. – Старый морской волк еще промышляет у Полуденных берегов? А ну, садись, наливай вина и рассказывай! В подробностях! В гости он приехал, надо же! Сейчас слезу пушу от умиления!

Мы напились. Следующим утром король предложил мне на выбор патент офицера королевской гвардии, должность при канцелярии его светлости месьора Публио или...

- Есть в нашем... то есть в моем королевстве такое интересное местечко, - хитро поглядывая на меня, сказал Конан. - Называется оно Латераной, Чертополохом. В общем-то это небольшой департамент, располагающийся вдобавок за городом. Тамошний начальник, барон Гленнор, недавно жаловался, будто при Нумедидесе в Латеране образовался недостаток сообразительных молодых людей, дворян, способные выполнять всяческие странноватые поручения.

- Латерана? - насторожился я. - Что-то слышал... Раньше. Какие-то темные делишки.

- Не темные, а государственные, - фыркнул король. - В общем, держи пергамент с моей личной рекомендацией и отправляйся в Тауранское предместье города. У стражи спросишь, где вилла «Латерана». Когда приедешь, немедля просись именем короля к барону Гленнору. А с ним лично договоришься.

Вот так, благодаря королю, я второй раз избрал жизненную дорогу. Пришлось год учиться в особой школе при Тарантийской Обители Мудрости (как раз тогда мимо меня прошли все интересные события, связанные с Полуночной Грозой и появлением Зеленого Огня), затем выполнять мелкие поручения (а в это время Аквилония воевала с Офиром...), через два с лишним года я отправился с особой миссией в Аграпур (и тут же в Аквилонии случились неприятности, связанные с Порталом Хаоса...). Без меня Великое Посольство отправилось заключать договор на Полуденное Побережье, без меня устраняли кофийского тирана Страбонуса, без меня выиграли очередную войну с пиктами. Мне же приходилось корчить из себя то посланника по особым поручениям при дворе туранского императора, то похищать документы иранистанского шада, то убегать от погонь, то гоняться за злодеями короны. Не скажу, что это было неинтересно, но все-таки самое захватывающее всегда доставалось кому-то другому. Лишь полгода назад приказом барона Гленнора меня наконец-то вытащили из Кофа (я трудился в должности военного посланника Аквилонии) и позволили остаться в Тарантии.

Короля за прошедшее время я видел считанные несколько раз, пакостный предок вообще не показывался. Но сегодня с утра я внезапно получил приглашение от Конана явиться на званый ужин «для друзей». Первый раз за

пять лет беспорочной службы.

Спасибо, Ваше величество.

* * *

Въедливый барон Гленнор задержал нас до четвертого послеполуденного колокола. Нас – это полную дюжину конфидентов, трудившихся на поприще душевного согласия в королевствах, граничащих с Аквилонией. Лишь когда небольшая кабинетная клепсида офирской работы отбила четыре удара, господин барон решил, что подчиненные прониклись серьезностью положения, выслушали надлежащие порицания и готовы со всем рвением и усердием приступать к дальнейшим трудам во славу и благо Трона Льва.

По счастью, мне не досталось очередного поручения, связанного с дальними поездками. Гленнор похлопал меня по плечу, повздыхал и сказал только, что, мол, месьору графу Монброну следовало бы отдохнуть, рассеяться и непременно развлечься. Ты, мой милый граф, вроде бы собираешься нынешним вечером к королю? (Митра Светоносный, откуда он знает про приглашение?! Впрочем, Гленнор по должности обязан знать все и обо всех). Чудесненько, драгоценный мой Маэль. Их величество устраивает замечательные вечеринки! Только смотри, любезный граф, не увлекайся. А заодно... Вот, передай лично в руки королю. И желательно до того, как он напьется.

Барон сунул мне в руки толстый пакет, украшенный аж пятью синими печатями с гербом Латераны – перо и кинжал в обрамлении венка из переплетенных розы и чертополоха. Вообще-то данный символ является гербом поместья месьора Гленнора, но за много лет он стал непризнанной эмблемой нашей тайной службы. Мне, например, гораздо больше нравится герб Вертрауэна, наших немедийских заклятых друзей – Пятый департамент, секретная служба короля Немедии, украшается стоящим на задних лапах геральдическим драконом, сжимающим восьмилучевый моргенштерн.

Я откланялся, спустился по боковой лестнице к конюшням, отлично выдрессированные конюхи немедленно привели мою серую в яблоках кобылу

зингарской породы, я забрался в седло и отправился в город.

Терпеть не могу весну, особенно раннюю! Даже здесь, в отлично обустроенных и чистеньких предместьях Тарантии, где живут очень богатые и влиятельные люди, парковые дорожки более напоминают хорошо разваренный кисель. Отвратительная смесь тающего снега, грязи, прелых прошлогодних листьев и ледяной воды. Вилла «Латерана» осталась позади, я свернул на совершенно разбитый колесами повозок и лошадиными копытами проезд, ведущий мимо огромного и роскошнейшего загородного дворца канцлера Публио (любопытно, на какие средства старик Публио может позволять себе подобные экзерсисы? Едва деньги требуются на нужды государства, канцер начинает бледнеть и вздыхать о пустой казне, но, как только заходит речь о его собственных утехах, казначейство немедленно отпускает надлежащие суммы «на обеспечение канцелярии его светлости»). До сих пор удивляюсь, почему Конан смотрит на неприкрытое воровство канцлера сквозь пальцы...).

Наконец-то! Мощеная дорога! Значит, Тарантия уже близко. Несколько поворотов, и вот из-за голых черных деревьев выплывают грандиозные бастионы столичных укреплений. У Звездных ворот, что расположены со стороны полуденного восхода, мается бездельем городская стража – весна, распутица, проезжающих мало, купцы предпочитают дожидаться более теплых дней, а провинциальные дворяне в такое скользкое время года отсиживаются в своих замках, не нанося лишних визитов в города. Оживленно лишь у Полуденных ворот – как-никак, именно там прерывается Дорога Королей.

Меня лениво окликнули, я, отбросив плащ, молча продемонстрировал доблестным блюстителям свой темно-синий колет, расшитый листочками чертополоха, и стража почтительно попятилась. Форменные мундиры Латераны уважаются ничуть не меньше, чем угольные одеяния любимцев короля, Черных Драконов. Однако я уловил едва слышное шипение: «Опять колючки поехали! Мотаются туда-сюда каждый день, делать им нечего... Согласие берегут!». «Колючки» – это заглазное прозвище служащих нашего тихого ведомства. Я гордо сделал вид, будто ничего не расслышал, и окунулся в шум тарантийских улиц.

Город устроен очень просто и заблудиться в Тарантии почти невозможно. Три главнейших улицы отходят от замка Короны лучами на восход, полуденный и полуночный восход соответственно. Следуя по широкой набережной Хорота, можно проехать город из конца в конец всего за три четверти колокола. Я

говору о старинной части Тарантии, ибо на противоположном, закатном берегу реки за последние десятилетия выросло множество новых кварталов, облепивших знаменитую Обитель Мудрости – лучшее учебное заведение Закатных королевств. Хотя для нашей тайной службы наименование «Обитель Мудрости» чаще всего звучит как «Источник Вечного Беспокойства» и «Рассадник Вольнодумной Заразы». Многоученная молодежь по резвости характера и просто от скуки частенько причиняет барону Гленнору изрядную головную боль. То заговор затеют (обычно, абсолютно бездарный), то памфлеты начнут распространять (частенько талантливые), то в ересь впадут (причем поголовно). А Латеране приходится со всеми этими бедствиями разбираться и по настоящему приказу короля по возможности мягко и милосердно вправлять мозги виновным.

Моя кобыла, носившая легкомысленное зингарское имечко Бебита, выбралась из сети переулков на площадь святого Эпимитриуса. Далее я направил лошадь по Королевской улице – широчайшему и очень красивому проезду Тарантии, застроенному огромными домами в целых четыре этажа высотой. Вообще-то здесь расположены государственные управы, казначейство, таможня или, например, городская резиденция все того же Публио, но почему-то один из самых богатых особняков (мрамор, позолота, резные деревянные решетки на окнах) украшен красными фонарями. Я слышал, будто сие заведение, носящее прямо-таки антигосударственное название «Королевская милость» (кошмар! Разве можно упоминать титул монарха на вывеске борделя!) принадлежит некоей Мамаше Куродье, а Мамаша – ни больше, ни меньше, как старая приятельница Конана, сумевшая оказать нашему киммерийцу весьма ценную услугу в беспокойные времена Мятажа Четырех. Следовательно, выкурить не приличествующий центральной части города вертеп на окраины столицы будет невозможно до времени, пока Конан не покинет трон. Или пока Мамашу не оставит королевская милость – каламбур не лучший, но показательный.

Вот и замок. Багровое знамя на шпиле, каменные львы, засиженные голубями, конный памятник королю Сигиберту Завоевателю, стража, усиленно изображающая деловитость и серьезность, окованные железом ворота... Если в город меня пропустили беспрепятственно, то войти во дворец будет посложнее. Случалось, в замок не пропускали даже спешных гонцов, отбирая у них депеши на входе. Конан не боится заговоров, просто порядок такой.

Я спешил к калитке, перехватил грозно-пристальные взгляды Драконов и поспешил вынуть из разреза рукава колета пергамент с подписью Конана.

– По личному приглашению Его величества, – осторожно сказал я и предъявил бумагу старшему офицеру караула. Пергамент внимательно изучили, печать поковыряли ногтем (не поддельная ли?), и явно нехотя ответили:

– Проходи, почтенный. Конюшня во внутреннем дворе направо. Там обратишься к распорядителю, чтобы тебя проводили.

Распорядителем оказался низенький лысый человечек в золоте и бархате – он стоял у дверей главной лестницы замка. Меня вежливо попросили оставить оружие на сохранение, снова изучили приглашение, проедая пергамент глазами до дыр. Лишь затем был кликнут один из лакеев (не верю я, что это простой лакей, слишком рожа умная. И взгляд цербера, какой вырабатывается только за много лет службы в Латеране), и я отправился в недра дворца.

Замок ремонтировали всего пять-шесть лет назад, поэтому внутренние помещения поражают чистотой и строгой роскошью обновленной древности. Серебряные зеркала, витражи на окнах, гобелены с героическими и историческими сюжетами. Вот этот, например, изображает усекновение головы короля Страбонуса его величеством Конаном Канах в битве при Хоршемише. А этот посвящен подвигу короля Гвайнарда Мудрого, который в одиночку, лишь в сопровождении оруженосца, пробрался в вражеский город и открыл ворота твердыни своей доблестной армии. Направо, извольте видеть, статуя черного гранита – великая королева Алиенор, просветительница и строительница храмов, закладывает первый камень в основание крепости Шамар. Бесчисленные картины, рыцарские доспехи, мечи на стенах, мозаики, тяжелые серебряные подсвечники – варвару досталось неплохое наследство от коронованных предшественников. В самом конце длинного коридора обнаружился трофей, добытый Конаном – позолоченные доспехи бывшего, ныне покойного, короля Офира Амальрика. Такая вот галерея славы Аквилонии.

Закатное жилое крыло дворца. Мы шествовали по второму этажу, через личные покои Его величества. На третьем, как известно, расположена библиотека, занимающая огромные помещения. Конан может гордиться своим книжным собранием. Более десяти тысяч томов, свитков и рукописей сделают честь самому процветающему митрианскому монастырю, не то, что обители монарха.

– Ждать здесь, никуда не уходить, – деревянным голосом сказал мой сопровождающий, остановившись у каких-то дверей. – Я доложу.

Ну иди, докладывай. Время еще есть – мне назначено только к седьмому колоколу, а сейчас еще и шестой не отбил. Безусловно, я знаю, что правила этикета категорически не одобряют прибытие в гости к венценосной особе раньше указанного срока, но, как я предполагаю, Конан за свои неполные шесть лет королевствования меньше всего проникся строгими дворцовыми правилами. Слово «этикет» он вспоминает только на краткое время заседаний Большого Государственного Совета, пышных церемоний (он терпеть их не может) или приема чужестранных послов.

Из полумрака вынырнул строгий лакей. Глянул на меня высокомерно и провозгласил:

– Его величество заняты...

– Важными государственными делами? – не удержался я.

– Нет, Его величество дают приватную аудиенцию ее светлости графине Альбионе Каэнос.

Выражение лица опытного служака не изменилось. Моя физиономия, подозреваю, все-таки не скрыла чувств – знаем-знаем мы такие аудиенции. Особенно приватные... Ладно, не будем прерывать важную беседу между королем и безутешной графиней, которая не столь давно потеряла мужа – старый граф Каэнос скончался от огорчения всего три луны назад (к вящей радости супруги-наследницы и облегчению Конана, которого старик грозился вызвать на поединок за оскорбление целомудренности его брака, освященного митрианским церемониалом).

Меня препроводили в комнату для гостей, налили вина и усадили в кресло. Я цедил розовое пуантенское из тонкостенного золотого кубка, рассматривал обстановку и пытался сообразить, долго ли Конан собирается приватно утешать несчастную вдову. Неплохо зная Конана, можно предположить, что ожидание затянется.

– Граф! Все те же и все там же! Маэль, давненько не виделись!

– Господин барон? – я вскочил и слегка поклонился. Выглядел мой жест нелепо, потому что правая рука сжимала бокал. – Ты по-прежнему травишь книжных червей в библиотеке?

– О, нет! Столь тяжелую обязанность я обычно перекладываю на помощников. Должны же они хоть чем-то заниматься?

Моим глазам явил себя высокий человек с русыми волосами и короткой светлой бородкой. Месьор королевский библиотекарь и советник Его величества Хальк, барон Юсдаль-младший. Как утверждают и злые и добрые языки, один из умнейший людей Аквилонии. Далее оценки расходятся – недоброжелатели клянутся, будто Хальк есть редкостный проныра и безродный гандерский авантюрист, втершийся в доверие к простодушному монарху, а друзья считают, что лучшего советника Конану не надо и искать. Да, бесспорно, барон Юсдаль происходит из не самой известной семьи, не наследует земли отца, однако это вовсе не является пороком, особенно во времена правления короля-варвара. Зато Хальк образован, умен, в меру нахален и безмерно любопытен. Между прочим, именно ему принадлежат весьма значительные заслуги перед короной во времена бедствий Полуночной Грозы. Именно господин библиотекарь придумал, как можно извести страшное подземное чудовище, напавшее на аквилонские земли и участвовал в походе Конана в Пограничное королевство ради уничтожения Подземной Горы.

Конан не забывает добрых дел и оказанных услуг, а посему барон Юсдаль теперь является кавалером ордена Большого Льва (высшей награды и не придумаешь!) и повышен в статусе до звания тайного советника Короны. Неплохая карьера для дворянина из захолустья. По секрету скажу, что жалования Хальку так и не повысили, а следовательно, бриллиантовый орден на тяжелой золотой цепи частенько томится в кладовых известного тарантийского ростовщика Шомо бар-Мираэли, ожидая выкупа. Хальк именуется сие обстоятельство шуточно: «Господа, моя честь опять заложена!». Впрочем, библиотекарь не унывает.

Мы уселись и, как водится, повели светскую беседу. Меня немедленно снабдили полным набором дворцовых сплетен, посетовали на отвратительное поведение канцлера, отказывающегося выделять деньги на расширение библиотеки, поворчали на короля, уделяющего чересчур мало внимания (догадайтесь, чему?) – важным государственным делам! – и похвалили герцога Просперо за то, что Пуантенский Леопард тянет на себе весь груз забот о стране.

Небескорыстно, разумеется – надеюсь, тебе, Маэль, понятно, кто на самом деле правит Аквилонией...

– Кто здесь распускает клеветнические слухи о своем короле? – гроыхнуло от дверей. – Ага, я так и знал! Хальк, еще раз услышу – отправишься на галеры!

– Старо, – поморщился библиотекарь. – Ты меня уже раз двадцать отсылал на галеры, не менее полусотни – на рудники, а смертной казнью грозишься каждый день.

– Однажды ты все-таки допрыгаешься, – предрек весьма неожиданно появившийся король. – О, Маэль! Ну, здравствуй, ищейка! Какими гадостями Латерана порадует меня сегодня?

Я вынул пакет барона Гленнора и передал Конану.

– Приказано вручить лично.

– Туциус! – немедленно воззвал Конан. На пороге появился знакомый мне лакей. – Возьми бумаги и отнеси герцогу Просперо, он разберется!

Служка безмолвно исчез вместе с пакетом.

Вот такое у нас королевство.

* * *

Я уже коротко рассказывал о своем знакомстве с Конаном летом 1284 года. Варвар серьезно изменился за минувшие десять лет. И я никак не могу понять, в худшую или в лучшую сторону. Все его лучшие качества остались при нем – дружеская открытость, вспыльчивость и быстрая отходчивость, тяга к самым замысловатым авантюрам, но в то же время мне кажется, что киммериец потерял ту важную особенность, которая всегда заставляла других людей уважать капитана Конана – целеустремленность. Он достиг своей мечты,

зачерпнул полной горстью и власти, и богатства, а, следовательно, произошла одна крупная неприятность: Конану теперь нечего желать.

Варвар не слишком тяготится короной. Большую часть дел за него исполняют Публио и герцог Просперо. Если старый канцлер довольно умело руководит государственными управками, то на долю пуантенца оставлены дела текущие – армия, к счастью, пока бездействующая (если не считать постоянных пограничных стычек на рубежах Пуши пиктов), надзор за наместниками провинций и политика Аквилонии за границей.

Король же только отдает самые важные приказы, определяет путь, по которому должно шествовать наше любезное отечество и развлекается. Его натура не терпит бездействия, но фактически Конану просто нечем заняться. Бесспорно, за шесть лет он научился грамотно разбираться в трудностях государственного управления, уяснил, что политика «огнем и мечом» хороша только в крайних случаях, а угрозы и запугивание в политике всегда лучше насилия. Однако Конан живет полноценной жизнью только когда в стране или за ее пределами происходит что-нибудь невероятное и захватывающее, а все остальное время скучает – то бишь ездит на охоту, устраивает грандиозные кутежи, периодически навещает пиктскую границу или отправляется с визитами к старым знакомым. Только минувшим летом он провел целых сорок дней в Кордаве, в гостях у королевы Чабелы Зингарской, унаследовавшей трон от скончавшегося три года назад отца, старика Фердруго.

Я и раньше знал, что Конан и Чабела друг ко другу равнодушны и их объединяют прежние совместные приключения. Конан сам намекал, что будто во времена его корсарства на Полуденном Побережье и после истории с Короной Кобры зингарская принцесса имела на него определенные виды и даже хотела выйти замуж за знаменитого капитана, но дело как-то не сложилось...

Теперь варвар каждое лето отдыхает в Зингаре, а кое-кто даже начал утверждать, что доселе незамужняя тридцатилетняя коронованная красавица и сорокашестилетний монарх могучей полуночной державы составили бы идеальную пару в любом отношении – как личном, так и политическом. Подумать только, что могло бы произойти, объединись Аквилония с Зингарой в одно государство! Я приучен всегда просчитывать обстановку и возможные последствия событий на много шагов вперед, и понимаю, что единое королевство, раскинувшееся на тысячи лиг от Киммерийского хребта до Закатного океана, являло бы собой не просто величайшую державу, а империю,

рядом с которой померкнет былая слава кхарийцев. Сами подумайте: огромный зингарский флот, непобедимая аквилонская армия, невероятные богатства, сосредоточенные в руках царственных супругов и престиж, которым пользуется каждая империя, вытеснили бы с политической сцены Заката любых противников.

Конан же утверждает, что они с Чабелой только хорошие друзья и ничего больше. Болван. Я бы на его месте давно провернул столь заманчивую интригу – во-первых, Чабела в свои тридцать выглядит от силы на двадцать три года, а во-вторых, этот брак даровал бы нашим государствам прямо-таки головокружительные возможности.

А король доселе бегаёт за дешевыми юбками. Лишь бы на личико была смазлива да фигурка поаппетитнее.

Именно такие мысли возникли у меня, когда варвар проводил меня и Халька в свой «Большой кабинет», где уже накрывали стол. Дело в том, что я увидел висящий на стене портрет Чабелы Зингарской, изображенной умелым мастером в виде «повелительницы Океана», попирающей ножкой в изящной туфельке карту Полуденного Побережья и сжимающей тонкой ладонью пресловутый Скипетр Морских Королей.

Иштар Добросердечная! В Большом кабинете находился еще один приглашенный на званый ужин. Нет, королю окончательно изменил вкус. Вообразите себе пухленькую золотоволосую особу в вихре локонов, кружев и бриллиантов, с носиком-пуговкой, огромными темно-синими глазищами, обрамляющимися вульгарно длинными ресницами и преданно-востроженным взглядом домашней собачки. Я и раньше слышал, что ее светлость графиня Альбиона красива, как голубка и настолько же глупа. И это после таких выдающихся фавориток, как приснопамятная честолюбивая Эвисанда, скромная умница Мойя Махатан или горделивая госпожа Белеза из Зингары! Между прочим, Мойя, прожившая во дворце около года в столь же завидном, сколь и обременительном звании «ночной королевы», поступила вполне разумно, однажды заявив Конану, что сей статус ее, простую девушку, воспитанную в строгих традициях горцев провинции Темра, категорически не устраивает. Посему Его величеству предоставляется крайне простой выбор – либо жениться, либо она немедленно покинет Тарантию.

Спустя два дня Мойя уехала домой.

Теперь же на ночном троне Аквилонии восседает милашка Альбиона.

– Мой господин, – графиня, едва завидев Конана, немедленно надула губки, – сегодня же праздник! Где мой подарок?

Конан ответил белозубой лучезарной улыбкой, в которой я ясно прочел: «Ах, какая очаровательная глупышка! Сильному мужчине прямо-таки указано всеми законами природы заботиться о таких легкомысленных созданиях!». Король запустил ладонь в висящую на поясе сумочку, изъяс оттуда кольцо отвратительно-роскошного вида с сапфиром, превосходящим размерами аквилонский золотой кесарий – не самую маленькую из монет – и вручил перстень даже не соизволившей подняться из кресла Альбионе.

– Какая прелесть! – пухленькие губки ночной королевы немедленно сдулись и приоткрылись в изумлении. – Какой блеск, какая огранка! Но...

Она надела перстень на средний пальчик левой руки. Ладонь графини мгновенно упала на платье.

– Он такой тяжелый! – заныла Альбиона, стягивая драгоценный подарочек. – Неужели ты не мог выбрать камень поменьше?

Я почувствовал, что меня тянут за рукав, и, обернувшись, узрел скривившегося Халька Юсдаля.

– Пойдем вино пить, – доверительно прошептал библиотекарь. – Из всех женщин мира мне более всего не нравятся те, которых называют «глупенькими». Не глупыми, а именно глупенькими.

Оставив возлюбленную пару ворковать, мы удалились к столу и начали целеустремленно накачиваться шемским нектаром с виноградников Либнума. Конан, впрочем, не ворковал из-за особенностей голоса. Он, если так можно выразиться, воркующе громыхал: «Ну что ты, маленькая... Зачем обижаться?.. Нет, я немедленно верну это кольцо в сокровищницу и скажу, чтобы подобрали другое... Ладно, ладно, сделаем, как ты хочешь – можешь пойти и выбрать сама...»

– Это отвратительно, – вздохнул Хальк. – Я был бы счастлив видеть рядом с королем любую прожженную стерву, которая бы тиранила прислугу и придворных, но имела хоть каплю ума.

– Не понимаю, зачем меня сюда позвали, – ответил я. – В конце концов, я лишь ничем не примечательный служащий Латераны, пускай и старый знакомец Его величества. Знакомиться с нынешними дворцовыми нравами?

– Если позвали, значит, нужно, – кратко ответил Хальк. – Ага, вот и новые гости! Пойдем поприветствуем.

За довольно короткое время явились все приглашенные – высший свет, ближайшие друзья короля. Темноволосый красавчик Просперо, Паллантис – бессменный капитан гвардии Черных Драконов, двое офицеров помоложе – барон Сол ди Брие и лейтенант Вилькон с подружками. Оба отличились во времена войны с Кофом и Офиром, и Конан перевел молодых и решительных командиров из обычной армейской кавалерии в гвардию, приблизив способных военачальников к трону. Между прочим, чин лейтенанта Черных Драконов в обычной войске приравнялся к званию пятитысячника. Личности творческие тоже были представлены – госпожа Орсия Шантеле, стихосложительница и певица, блиставшая во всех салонах Тарантии, месьюр Бланд, скульптор и архитектор, на чьи плечи легли заботы по перестройке и обновлению столицы, придворный волшебник Озимандия Темрийский с супругой – прекрасная пара, да вот только разница в возрасте подвела... Жена волшебника была младше Озимандии лет на шестьдесят.

Празднество медленно, но верно завертелось. Начались разговоры, Хальк спорил с волшебником о тонкостях какой-то психургической некромантии, заодно строя глазки его очаровательной спутнице жизни. Просперо пытался втолковать Конану, что праздновать надо бы поменьше, а трудиться побольше, но все равно пил наравне со всеми. Госпожа Шантеле спела несколько романсер собственного сочинения и, как всегда, сорвала громкие восторженные овации, а я угрюмо сидел в углу и думал, что все-таки я здесь делаю? Кроме Халька, Конана и Просперо – ни одного близкого знакомого. Каждый занят собственными развлечениями и не обращает на меня ни малейшего внимания.

– А ну, пойдем, – от угрюмых мыслей меня внезапно отвлек король. – Пока все получают удовольствие от песен сладкоголосой Орсии, надо поговорить.

Конан взял меня за плечо, извлек из кресла и потянул за собой. Мы вышли из зала, где царило непринужденное застолье, оказавшись в святой святых тарантийского замка – рабочем кабинете монарха.

Скромненько. Деревянная обшивка стен, большой стол, жесткие стулья красного дерева, сундук. На стенах – разнообразное диковинное оружие, вроде кхитайских метательных звездочек, вендийские мечи, больше похожие на зазубренную пилу, гирканийские «волчьи хвосты» – странные копья с наконечниками в виде железных изогнутых ветвей. Неплохая коллекция.

– Вот что, Маэль, – без лишних предисловий начал Конан, – своей королевской волей я дарю тебе повышение. Будешь личным порученцем моего аквилонского величества.

– Чего? – вытаращился я. – Капитан... то есть извини, мой король... Я, конечно, благодарен, но...

– Не перебивай, – Конан выложил на стол два тяжелых кожаных мешочка, развязал шнурки на одном из них, и на полированные доски высыпалось звонкое серебро. Странная, хотя знакомая чеканка – восьмиугольные монеты Кофа, серебряные орты с изображением оскалившейся львиной головы.

– Здесь этого добра на полную сотню аквилонских кесариев, – продолжил Конан, – ты получаешь их от казны в счет будущих расходов.

– Каких расходов? – я окончательно запутался.

– Дело в том, что завтра с утра ты отправляешься в Немедию. Обеспеченный кофийский дворянин, решивший попутешествовать. Ясно? Насколько я знаю, последний год ты прожил в Кофе, отлично знаешь тамошнее наречие и местные обычаи. В Бельверусе вполне сойдешь за подданного короля Балардуса. Барон Гленнор извещен... Собственно, это он тебя порекомендовал как одного из лучших конфиденентов Латераны. Вдобавок я вправе на тебя надеяться как на старого друга.

– И что я должен делать? – стало ясно, что Конан снова решил впутать меня в темную историю. Как все знакомо!

– Учти, сейчас я тебя посвящаю не только в государственную, но и в мою личную тайну, – Конан уселся за стол и нахмурился. – На днях я получил из Бельверуса очень странное письмо. От человека, которого я уважаю всей душой и всем сердцем.

– Кто же этот человек? – осторожно осведомился я.

– Мораддин, герцог Эрде, барон Энден, глава тайной службы Немедийского королевства.

Вот те на! Прежде мне приходилось слышать, что человек, исполняющий в Немедии роль нашего барона Гленнора, как-то связан с Конаном и серьезно помогал Аквилонии шесть лет назад, во времена смуты и Мятежа Четырех... Но чтобы у нашего монарха были с главой Вертрауэна «душевные и сердечные отношения»? Чем больше живу, тем больше удивляюсь жизни.

– Я тебе прочитаю кое-что, – варвар взял один из валявшихся на столе свитков и развернул. – Тогда, возможно, ты поймешь, отчего я лишаю тебя отдыха в Тарантии. Слушай...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Записки Долианы, баронессы Эрде – I

«Девушка из высшего общества»

Личные записи мне посоветовал вести отец. Давно, когда я была еще маленькой и только училась выводить первые корявые строчки. Он сказал, что будет полезно по вечерам перебирать и раскладывать по полочкам минувший день. Вспомнить, кого я видела, что слышала, что подумала, о чем читала или разговаривала, чем занималась. С тех пор я повсюду таскаю с собой маленькую тетрадку, походную бронзовую чернильницу и запас перьев, а ведение записок стало привычкой. Иногда надо мной смеялись, но порой дневники оказывали мне ценные услуги.

Я даже не подозревала, насколько был предусмотрителен отец, приехав дочку к кратким ежевечерним исповедям на клочках пергамента.

Бельверус, Немедия.

1 день Первой весенней луны 1294 года.

Немногие люди могут точно называть день, когда их жизнь стала иной. Изменения складываются из будних мелочей, разговоров и обыденных встреч, и только спустя какое-то время понимаешь: ты уже давно стоишь на пути, которого не хотел и пытался избежать. Остается только идти вперед и надеяться на лучшее.

Наша жизнь разрушилась в конце зимы 1294 года. Все, что случилось потом, было закономерным следствием.

В тридцатый день третьей зимней луны, как раз под праздник Канделлоры – Зажжения Нового Огня – доверенным людям отца удалось разыскать мою мать, уже седмицу скрывавшуюся где-то в Бельверусе, и доставить ее домой. Из своего окна я видела, как во двор торопливо вкатила черная карета, запряженная четверкой лошадей, и как из нее в дом на руках перенесли кого-то, с ног до головы закутанного в черный плащ.

Матушка вернулась. Вернулась, чтобы стать пугающим призраком, заточенным в подвалах, ибо ее нельзя было оставлять без присмотра, но, если бы она снова пожелала уйти, никто бы не смог ее остановить. Поэтому госпожу замка Эрде заперли в нижних помещениях, там, где хранятся запасы на случай осады города, и размещается закрытая на семь засовов и десять замков фамильная сокровищница.

Моя мать сошла с ума.

* * *

Я всегда гордилась своей семьей. Для этого имелись веские причины. Кто, как не мои отец и мать, являются людьми, значащими в государстве почти столько же, сколько Его величество король? Кто владеет правом заседать в Королевском Совете и одобрять или не одобрять его решения? Чья личная печать может быть приравнена к королевской? Кто обладает титулами, поместьями, землями и золотом, добившись всего этого великолепия самостоятельно, без помощи влиятельных сородичей, права крови и уничтожения соперников?

Звучит немного восторженно, однако это правда. Всем этим владели мои родители – герцог Мораддин Эрде, глава Тайной службы Немедии, и его супруга Ринга, которую боялись едва ли не больше, чем ее грозного и могущественного супруга.

Я – их дочь. Баронесса Долиана Эрде. Для знакомых, друзей и близких поклонников – Дана. Дана Эрде, идеально подходящая под определение: «Молодая утонченная барышня из знатной семьи». Мне пятнадцать лет, и я обучена всему, что положено уметь и знать благородной госпоже. На мое образование не жалели денег и связей. Четыре года в Аквилонии, в закрытом пансионе при женской митрианской обители. Затем, когда мне стукнуло двенадцать, меня отправили в Офир, в Ианту. Год я провела в качестве воспитанницы при старейшем храме Иштар, год в Мессантии, в тамошней Обители Изящных Искусств. Для придания окончательного блеска выдержала год скучнейших философских лекций на многообразные темы для узкого круга наследниц и отпрысков семей высокого происхождения.

Для полноты картины отмечу, что пребывание в Ианте привело меня в ряды почитателей Иштар. Поклонница я не особенно ревностная, но стараюсь следовать заповедям «Именем богини да правит миром любовь» и «Семья превыше всего».

В конце 1293 года я вернулась в Немедию. Дождаться совершеннолетия, заводить полезные знакомства и готовиться блеснуть при дворе.

Подведем итоги. Я могу говорить, читать и писать на всех основных языках Материка, сиречь на аквилонском, немедийском и офирском диалектах. Вдобавок маменька обучила меня («На всякий случай», как она выразилась) воровскому жаргону Шадизара и Арэнджуна. Простонародному говору Аргоса и

Зингары я выучилась сама – вдруг пригодится. Я умею петь, танцевать, поддерживать изящную и умную беседу, сочинять непритязательные песенки, играть на виоле и лютне, скакать верхом, рисовать и вышивать по шелку, вести подсчеты домашних расходов и доходов, управляться с малым немедийским стилетом и засапожным ножом (папенькина забота), стрелять из лука, свежевать и готовить кролика на костре (эти науки я освоила благодаря старшему братцу), воспитанно кокетничать и даже знаю (пока только на словах), каким образом рождаются на свет дети. Короче, мне известно очень много и при этом – почти ничего. Меня вырастили для обеспеченной жизни на всем готовом. Эдакий редкий цветок, денно и ночно пребывающий под бдительной охраной садовников.

Сегодня мой хрустальный замок разбился вдребезги.

* * *

Отрядом, разыскивавшим маму, командовал Кеаран Майль. Сколько себя помню (в отличие от прочих детей, я наделена очень хорошей памятью и осознаю свое присутствие в мире годков так с трех), он всегда находился при отце. Граф Майль, тридцати с небольшим лет, рыжеватый, крепко сложенный, похожий одновременно на типичного вояку из дальнего захудалого гарнизона и книжника, десяток последних лет не выбиравшегося из библиотеки. Кеаран, Хальвис из Бритунии, Дорнод Авилек – три человека, за последние десять лет заслужившие полное доверие моего отца. Теперь осталось только двое. Хальвис умер в середине зимы от пустячной раны, полученной на обычном турнире. Просто заболел и спустя три дня скончался. Отец до сих пор ходит сам не свой, не может поверить.

Говорить с Майлем бесполезно, он мне ничего не скажет. Правила этикета запрещают мне приставать с расспросами к отцу, пока он сам не пожелает со мной говорить, однако наступили такие времена, что церемонность может пока постоять в стороне.

Возле кабинета отца я натываюсь на выходящего Майля. Кеаран бормочет какое-то приветствие и подозрительно быстро отводит взгляд. Он уходит, по военному

печатая шаг, а я смотрю ему вслед и раздумываю, стучаться или нет. Почему-то это кажется очень важным. Решаю постучаться.

– Майль, позже!

Глуховатый, сам на себя не похожий, какой-то надорванный голос отца.

– Это не Майль. Это Дана. Можно мне войти?

Ответа не последовало, потому я отодвинула тяжеленную створку черного дерева и украдкой просочилась в кабинет. Бумаги, книги, свитки, донесения со всех концов Материка, чертежи земель, снова непонятные бумаги... В детстве мне казалось, что подлинное сердце Немедийской империи находится именно здесь, на втором этаже городского особняка семьи Эрде, в кабинете моего отца.

Тоненькое поскуливание – в углу на своей подстилке недоумевающе пытит огромное мохнатое чудовище, виновато повиливающее хвостом. Бриан, пес-волкодав, подарок отцу от друга, проживающего в крохотной аквилонской провинции Темра. Бриан испуган и растерян, чего с ним никогда не случалось. В толстые оконные стекла бьются капли холодного дождя пополам со снегом.

– Папа? – на мгновение мне становится жутко. Свечи в кабинете потушены, и в сумерках я различаю только смутные очертания сгорбившейся над огромным столом фигуры. – Папа, тебе нехорошо? Послать за лекарем?

– Посиди со мной, – медленно, почти по слогам произносит отец. Я теряюсь – наши родители, конечно, любили нас с братом, однако у них никогда не хватало времени, чтобы просто побыть с детьми. Мы – сами по себе, среди воспитателей, наставников, прислуги и друзей, отец и мать – в своем мире, таинственном и загадочном.

– Конечно, – я ищу, куда присесть, но нахожу только заваленный шуршащими бумагами табурет. Поскольку отец не возражает, пергаменты летят на пол.

– Ты видела, как ее привезли?

Киваю, зная, что отец, как и я, хорошо видит в темноте.

– Майль нашел ее в каком-то притоне, – бесцветно произносит всесильный глава Тайной службы. – С ней были двое молодых парней. Третьему повезло – успел сбежать до того, как она решила за него приняться. Тех двоих она... – отец запинается. Я молчу. Мне очень страшно. – Она переспала с ними, а потом убила. Обоих. Разорвала горло. Когда Майль со своими помощниками ворвался в комнату, она сидела и лакала кровь. Он так и сказал – сидела на постели и лакала кровь. Он назвал ее по имени, она узнала его, засмеялась и спросила, не проводит ли он ее домой, мол, она устала. Когда ее стали выводить из комнаты, она начала визжать и отбиваться. Поцарапала одного из стражников и разукрасила физиономию выглянувшего на шум постояльца. Бедняга до конца жизни будет ходить со шрамом в поллица и оторванным ухом.

В камине догорают последние угольки. Я сижу, слушаю страшную историю о моей собственной матери и боюсь заговорить.

– Двое, что пришли с ней... Один – студизус из Аквилонии, приехавший в гости к приятелям. Второй – младший сынок графа Эрлена. Внук канцлера Тимона. Кто третий – пока неизвестно. Кеаран клянется всеми богами, что никто не видел, как они выходили из гостиницы. Единственного свидетеля и пострадавшего они забрали с собой. Я этому не верю. Завтра город будет полон слухами. Тимон потребует расследования.

– Почему так? – мой голос похож на жалобный скулеж Бриана. – Почему так случилось, отец? Почему?

– Твоя мать всегда боялась потерять рассудок. Она говорила, что ее народ всю жизнь бродит в сумерках, на границе ночи и дня. В сумерках возникают трещины между жизнью и смертью. Такая трещина зародилась в ее душе, и сквозь эту трещину вползло немного ночной тьмы. Она разбиралась в таких вещах, не то, что я...

Отец не договорил. Я поняла, чего он пытается избежать. Ведь мы, я и мой старший брат Вестри – такие же наследники рода нашей матери и, возможно, обладатели наследного безумия. Ведь леди Ринга Эрде – не человек. Она – порождение тьмы ночной, гуль из Рабирийских гор, вампир с Полуденного Побережья. Ее муж, наш отец, Мораддин из Турана – плод союза дверга-гнома и женщины-человека. Вестри и я – полукровки гульской крови. Такие существа рано или поздно теряют рассудок. Слишком много в нас перемешалось, и наследие каждой расы требует своего.

Правда, ни я, ни мой брат не испытываем тяги к питью крови. Наша мать вынуждена делать это, чтобы жить и сохранять молодость. Но, может быть, мы еще слишком молоды? Вдруг через годик-другой нам захочется выйти на ночную улицу и вкрадчиво окликнуть запоздалого прохожего? Ведь у нас, как у нашей матери, вместо обычных ногтей – втяжные кошачьи когти, у нас слишком острые резцы и глаза, отлично видящие во мраке...

– Сегодня Канделлоры, – неожиданно и не к месту вспомнила я. – Митрианский Праздник Свечей.

Отец молча пошарил в ящиках стола, на ощупь отыскал коробочку с белыми восковыми свечками. Защелкало кресало, затрещал, чадя, подоженный фитилек.

Мы смотрели друг на друга поверх горящей свечи. Усталый, лысоватый человек средних лет, большую часть жизни посвятивший заботе о благе огромного государства, и молоденькая девушка, не знающая жизни.

– Я мог бы переправить ее за город, в замок Эрде, – задумчиво сказал отец. – И тебя с Вестри тоже.

– Вестри не поедет, – я покачала головой. – Завтра в Военной Академии начинаются весенние экзамены. Он же лучший. Он не сможет бросить все.

– Да? – как-то потерянно переспросил отец. Мне захотелось расплакаться. – В самом деле... – он тряхнул головой, приходя в себя. – Разущи своего брата и передай, что я хочу его видеть. Дана, не вздумай впадать в отчаяние! Мы с твоей матушкой попадали не в такие переделки, и ничего, до сих пор живы.

– Я никогда не впадаю в отчаяние, – как можно тверже сказала я. – Я – Эрде. Крепче камня, настойчивее воды и гибче стали.

Наверное, я неудачно повернулась и взмахнула рукавом, задев свечу. Та опрокинулась и погасла.

2 день Первой весенней луны.

Дурно так отзываться о родственниках, но мой брат до сих пор не осознает всей тяжести рухнувшей на нас беды. Он уверен, что отец в состоянии разрешить любые трудности. Вестри же чрезвычайно заботит, не пошатнется ли его положение выпускника Академии, не пострадает ли его начинающаяся карьера и не отвернутся ли от него друзья и подружки.

Вестри старше меня ровно на четыре года. Как положено в благородном семействе, я – изысканная молодая дама, завидная невеста, он – подающий надежды блестящий офицер, с возможностью по окончании Академии прямоком угодить в личную королевскую гвардию, поближе к трону, либо же отличиться где-нибудь в привилегированных легионах, вроде «Золотого орла» или «Немедийского дракона». Отец более склонен ко второму, считая, что дети должны добиваться всего сами, а не благодаря протекции родителей. Вестри же спит и видит себя в Бельверусском замке. В шестнадцать лет, его, как полагается, вместе с остальными кадетами представили царствующей фамилии, после чего военная молодежь с величайшим удовольствием приступила к несению караулов во дворце и всюду злоупотребляла правом посещать королевские балы и званые вечера.

В отличие от меня, Вестри родился пусть невысоким, зато красавчиком, его любят и охотно всюду приглашают. Он скрыл это от отца и мамы, но я-то знаю, что мой неугомонный братец уже три или четыре раза дрался на поединках из-за чести прекрасных дам, и что он каждый вечер сочиняет возвышенные послания для девушки из свиты графини Неффель. Однажды я даже нашла посвященное этой особе стихотворение. Оно выглядело таким прямолинейным и незамысловатым, что я решилась переписать его на свой лад и вручить братцу, как образец. Вестри решил, что сестренка просто обязана слагать кансоны для его подружек и не дает мне проходу, пока не заполучит очередной шедевр.

Надеюсь, девушки остаются довольны.

* * *

Долго сторожила на галерее, дожидаясь, когда отец закончит беседу с Вестри. Наконец, брат вышел из кабинета, раздраженно хлопнув дверью. Я окликнула его, и мы встретились на излюбленном месте, где секретничали во времена нашего детства – в большом окне-фонаре, выходящем во внутренний двор и сад. Домоправительница разводила там какие-то разлапистые деревца, привезенные из Шема. Не знаю, как они называются. Раз в год, ближе к осени, они цвели, наполняя весь дом сладковатым и душным ароматом.

Вестри выглядел огорченным и разозленным.

– Вот не было печали, – буркнул он. – Приспичило же матушке поразвлечься...

Вестри недолюбливает мать и не скрывает этого. Считает, что она никогда не уделяла ни ему, ни мне должного внимания и слишком часто отсутствовала. Такое уж у нее ремесло. До появления в ее жизни некоего Мораддина, сына Гроина из Турана, баронесса Энден занимала место первой помощницы и отчасти наставницы герцога Лаварона, тогдашнего главы Тайной службы, с небывалой легкостью и изобретательностью разрешая трудные политические загадки и улаживая всяческие недоразумения. И тогда, и сейчас наша мать являлась весьма решительной и предприимчивой женщиной, не подчиняющейся общепринятым правилам и настойчиво добивающейся своих целей.

– Это не развлечения, – возразила я. Отец, брат и я знали, что госпожу Эрде трудно назвать верной женой. Она, конечно, уважала отца и как могла, берегла его репутацию, но если леди Ринга решала, что кому-то суждено стать жертвой ее пронзительных золотистых глаз... Бегство или спасение невозможны. Моя мать всегда получала то, что хотела. – Отец считает, у мамы опять приступ ночного безумия.

– Он сказал, – кивнул Вестри. – Я предложил увезти ее в загородное поместье и обратиться к небогатым врачевателям из Гильдии. Лучше всего, наверное, к магам, хотя это и рискованно. Наша маменька сама не раз баловалась с волшебством. Кто знает, до чего она могла доколдоваться? Как это не вовремя...

– Можно подумать, неприятности случаются лично по твоей просьбе в удобное время, – огрызнулась я. Брат пожал плечами:

– Тебе хорошо говорить. Ты сидишь дома и не ловишь косых взглядов. Майль где-то допустил ошибку. Сплетни все-таки поползли.

– Если что-нибудь случится, опала падет на всех, – с замирающим сердцем проговорила я.

– Какая опала? – Вестри едва не свалился с подоконника. – Ты что, сестренка, тоже умом рехнулась? Даже думать не смей! Отец – второй человек в государстве! Нас никто не решится тронуть!

– Король в последнее время не слишком к нему благосклонен, – заметила я. – Убийство внука великого канцлера вряд ли пройдет незамеченным и останется безнаказанным.

– Нечего таскаться по вертепам, да еще в обществе такой дамы, как наша матушка, – зло отрезал Вестри. – Теперь поневоле начнешь задумываться, есть ли прок от того, что мы родились в семействе Эрде!

– Мы не выбирали, где рождаться, – я тоже начала сердиться. – Они – наши родители. Мы должны помогать им.

– Инте-ересно, – брат желчно скривился, – и как ты собираешься помогать? В жизни не поверю, что у тебя хватит смелости спуститься в подвал и просидеть там хотя бы полколокола! Лучше попроси отца разрешить тебе уехать куда-нибудь подальше. Скажем, на Полуденное Побережье.

– Я не собираюсь бежать! – вспылила я.

– Ну и дура, – холодно бросил любимый братец, краса и гордость Военной Академии. – Коли вспыхнет заварушка, ты будешь только мешаться под ногами.

Это замечание, надо признать, было истинным. Пользы от меня действительно никакой.

– Отец не говорил, что намерен делать? – я решила пропустить слова Вестри мимо ушей и не затевать ссоры.

– Нет, – брат меланхолично раскачивал висевший на бедре тонкий эсток с кисточками возле рукояти. – Просил тебя никуда не отлучаться из дому, а меня – смотреть по сторонам, не оставаться одному и по возможности никуда не ходить. Для гостей, желающих видеть госпожу Эрде, и для слуг ответ один – герцогине нездоровится, – он помолчал и тоскливо спросил: – Как, хотелось бы знать, я никуда не пойду, если завтра с утра экзамен по полевой фортификации, днем – выездка, вечером – бал у графов Неффель и меня настоятельно просили быть?

– Пошли записку, что перетрудился на экзамене, – искренне предложила я и немедля заработала щелчок по лбу.

– Как-нибудь уцелею, – легкомысленно отмахнулся Вестри и спрыгнул, собираясь подняться к себе в комнаты. Я поймала его за рукав, отважившись задать мучивший меня вопрос:

– Вестри... Скажи, ты... Ты никогда не испытывал желания... Ну, не знаю... Убить кого-нибудь?

– С первого дня в Академии мечтаю жестоко прикончить нашего преподавателя изящной словесности, – хмыкнул мой великолепный братец. – Не забивай себе голову всякой ерундой. Наша мать – это одно, мы – совсем иное. Мы люди.

– Рожденные от дворфа-полукровки и гуля? – недоверчиво уточнила я. – Вестри, это смешно! Мы просто не можем быть обычными людьми!

– Мы то, чем полагаем себя, – уперся брат и подозрительно насторожился: – С чего вдруг ты вообразила такую глупость?

– Если наша мать больна и ее болезнь могла передаваться по наследству нам, то не следует ли заранее поискать средство от нее? – поделилась я давно вынашиваемым замыслом. Вестри потратил целое мгновение своей драгоценной жизни на обдумывание идеи сестры.

– Она не больна, – наконец твердо заявил он. – Через пару дней она придет в себя. Такое уже случалось. Не забывай, она не столь молода, как выглядит. Не понимаю, отчего отец не запретит ей мотаться по дальним странам? Ей стоило бы посидеть годик-другой дома.

– Она не сможет, – заикнулась я, но Вестри больше не слушал. Ясно: мой брат не желает допускать мысли о том, что однажды в нем может проснуться зов древней темной крови. Он предпочитает надеяться на лучшее.

3 день Первой весенней луны.

Разбирала сундуки и шкафы, перетряхивая их к весне. Отыскала большой отрез белой шелковой ткани с золотым шитьем – мое будущее платье к грядущему дню рождения. В шестнадцать лет юной баронессе Эрде предстоит торжественно отправиться на свой первый бал. Должно быть, это будет захватывающее действо, но теперь я уже не уверена, что оно когда-либо состоится. К тому же, как это ни странно, я не испытываю никакой тяги к блестящей светской жизни. За это нужно благодарить мою матушку с ее острым языком и пристрастием называть все своими словами, а также мою лучшую подругу Цици.

Столь непонятное прозвище она получила от моего братца, соединившего первые буквы ее имени и фамилии. Цици на самом деле Цинтия Целлиг, фрейлина принцессы Аманты, супруги принца Зингена, второго сына короля. Цинтия – первая собирательница сплетен и слухов во всем дворце, что неудивительно – ведь она дочь хранителя королевских архивов. Ее отец бывает у нас в доме, но познакомится мне с ним пока не удалось, ибо он всегда приходит только ради встречи с моим отцом или матушкой. Слуги шепчутся, будто у этого человека темное прошлое. Мне иногда очень хочется разузнать, какую тайну он скрывает. Цинтия, знающая все о придворных дрызгах, семейные сплетни хранит надежно. Или сама ничего не проведала о молодости своих родителей. Мне известно только, что ее матушка, как и моя, родом с Полуденного Побережья. Моя – из Зингары, госпожа Лиа – из Мессантии Аргосской. Цинтия похожа на уроженку Аргоса, у нее такое же вытянутое личико, характерный горбатый нос (не с горбинкой, а именно горбатый, отчего Цици ужасно страдает), серо-зеленоватые глаза и неунывающий характер. Она худенькая, быстрая, говорливая и, как отец, рыжеволосая, эдакого жизнерадостного песочно-золотистого оттенка.

Именно Цици, почти каждый вечер наносившая нам визит и считавшаяся кем-то вроде дальней родственницы, добровольно взяла на себя обязанность

познакомить меня с нравами обитателей Бельверусского замка. Не слушая робких возражений, Цинтия таскала меня в дворцовый парк, на конные прогулки и представления лицедеев, провела по всему кругу своих многочисленных знакомых и даже позаботилась, чтобы я угодила на глаза ее высочеству принцессе Аманте. Госпожа Аманта милостиво пообещала мне свое покровительство, когда я появлюсь во дворце, после чего мы с Цинтией едва не поругались. С юношеской запальчивостью я утверждала, что сама могу о себе позаботиться. Цици высмеяла меня с высоты двадцати двух прожитых лет и велела готовиться к очередной дневной прогулке, на которой она намеревалась строить глазки своим поклонникам и обмениваться с ними двусмысленными любезностями.

* * *

Это было всего две луны назад, а кажется – целую вечность... Цинтия уже почти десять дней не показывалась в особняке Эрде, но сегодня прислала весточку, что постарается навестить меня. Вестри утром отбыл в Академию, я пожелала ему успеха, но, кажется, он меня не заметил, погруженный в мысленные расчеты построения фортификационных сооружений. А может, думал о грядущем вечере у Неффелей.

У отца – совещание за плотно закрытыми дверями. Мне известно, что в комнате по соседству есть слуховое отверстие, но я сомневаюсь, что бдение возле него принесет какую-либо пользу. Ведь я имею самое смутное представление о дворцовых интригах и том, какая роль в них принадлежит моему отцу.

Со своего наблюдательного поста на галерее я вижу, как расходятся участники, и пытаюсь узнать знакомых. Неизменные Майль и Авилек, Клайвен, глава канцелярии при его светлости королевском советнике Тимоне, Раммирель – младший посол Зингары в Немедии (он-то что здесь делает?), почтенный Зугурд – старшина Оружейной Гильдии, Каспер Хеннер, заместитель капитана королевской гвардии, и Леттиг – доверенное лицо господина Сагаро, королевского казначея. Вдобавок – неизвестный мне высокий месьор в дорогом темно-сером плаще, отделанном беличьим мехом. Прочие обращались к этой личности весьма почтительно, и я рассудила, что, коли не самые последние люди в Империи так себя ведут, значит, к нам вправду пожаловала редкая

птица. Может быть, кто-то из высокопоставленных придворных или даже младших принцев.

Покидавшее моего отца общество приглушенно беседовало. Преобладающие интонации – деловито-обеспокоенные. Несколько раз прозвучало имя моей матери, произнесенное тем голосом, каким принято упоминать страждущих членов семьи. Мимоходом помянули короля Нимеда, затем речь перешла на волнения в столице, вспыхивавшие и гаснувшие почти всю зиму. Авилек посетовал, что у него под замком сидят по меньшей мере десяток изловленных смутьянов и распространителей слухов, и никто не может решить, что с ними делать. Казнь излишне возбудит и без того беспокойную городскую чернь, а дальнейшее содержание нарушителей спокойствия за казенный счет представляется бессмысленным. Может, выставить их на денек к позорному столбу или выдрать да сослать на копи у Соленых озер?

Посетители миновали огромный нижний зал и скрылись за дверями парадного входа. Отец не появился.

Обед ему принесла в кабинет домоправительница Хейд. Я перехватила ее на обратном пути, дабы расспросить, как себя чувствует месьор Эрде. Толстуха Хейд растерянно покачала головой, бормоча, что давно не видела его милость таким расстроенным. Даже не вышел в середине дня в сад, погулять с собакой, как обычно. А бедное животное сидит и мается...

Тут, словно нарочно, из кабинета донеслось:

– Хейд, ты еще здесь? Пусть кто-нибудь выгуляет пса!

Бриан толкнул дверь мордой и вывалился в коридор. Когда Вестри было годков десять, а мне, соответственно, шесть, мы седлали бедную собаку и разъезжали на ней, как на маленькой косматой лошади. Теперь пес постарел, вокруг морды появились белые волосы, и ходит он грузно, переваливаясь с бок на бок и часто останавливаясь передохнуть.

– Пойдем гулять? – спросила я Бриана. Волкодав вздохнул и поплелся за мной.

В саду стояли лужи от тающих сугробов, разлаписто торчали старые яблони и пахло талой водой. Бриан лениво бродил между деревьев, иногда без интереса

копался в палых листьях. Я сидела на покосившейся скамейке и пыталась сообразить, что же теперь будет. В серо-сизом небе, затянутом низкими облаками, выделяла круги и галдела воронья стая. Иногда долетал городской шум – через три квартала от нас располагается Площадь Побед Нумы и зеленый рынок.

– Дана, Дана, Дана!

От этого пронзительного вопля Бриан встряхнулся, поставив уши торчком и оглянувшись. По мокрой дорожке к нам, подобрав юбки и придерживая разлетающийся плащ, неслась молодая дама. Песочные локоны, вычурные одеяния зеленых и бежевых цветов – Цинтия во всей красе.

– Доброго денечка, барышня, – сказала я, подхватывая Цици, которая, понимаете, умудрилась поскользнуться и едва не шлепнулась. – Можно ли узнать, чем вызвана ваша поспешность? Так ведь недолго и упасть. Кстати, слышала историю про рыцаря и даму, которым пришлось ночевать на заброшенной мельнице?..

– Тараск вернулся! – выпалила Цинтия, не дав мне договорить. – Он и весь его отряд, и эта девица, Дженна! Сегодня утром! С победой! Он нашел этих грабителей! Они, оказывается, прятались в ущельях возле верховьев речки... как же ее... Ялруга! Он разогнал шайку, казнил вожаков и привез их головы в столицу! У тебя карта Немедийских гор есть? Надо посмотреть, где эта самая Ялруга! И, наверное, надо сказать твоему отцу! Или он знает?

– Думаю, что нет, – ошарашено признала я. – Когда они вернулись?

– С колокол назад! В замке наследника все вверх дном! Я удрала, чтобы рассказать тебе! Кстати, наследник уехал куда-то, и теперь его все ищут!

Такова Цици. Взбалмошная и преданная. Принесенная ей новость в самом деле заслуживает внимания. Сдается мне, это известие будет неожиданным даже для герцога Эрде, знающего о Немедии и ее делах все и немного больше.

– Пошли к отцу, – решила я. – Он, правда, в плохом настроении, но вряд ли нас выставит.

– А что случилось? – забеспокоилась Цинтия.

– Матушка хворает, – кратко объяснила я. – Уже седмицу.

Хорошо бы Цинтия проболталась об этом во дворце. Если начнется расследование обстоятельств смерти молодого Эрлена, мы и слуги будем единогласно твердить – госпожа герцогиня который день не покидала пределов особняка. И Цинтия поддержит – да, так оно и есть.

Уже входя в дом, я запоздало сообразила, кто был высокий господин в сером плаще. Надо же, какая честь – нас тишком посетил сам наследник престола. Честь или, наоборот, предвестие беды? С чего принцу Нимеду-младшему вдруг понадобилось наведываться в дом главы Вертрауэна? Подданные отправляются ко двору короля, а никоим образом наоборот.

* * *

Пожалуй, стоит рассказать подробнее об упомянутых мною Тараске и девице Дженне. Имена этих личностей в последнее время у всех на слуху, похождения и эскапады их самих и их друзей щедро поставляют хворост для костров придворных и городских сплетен.

Начнем с его светлости Тараска и углубимся в генеалогию королевского семейства. У его величества Нимеда есть младшая сестра, ее высочество наследная немедийская принцесса Артеза Эльсдорф. По соображениям высокой политики и для укрепления многообразных союзов ее больше тридцати лет назад с помпой выдали замуж за одного из членов Кофийской королевской фамилии. Артеза со своей свитой переехала в Хоршемиш, время от времени слала царственному брату весточки, хлопотала об обмене посольствами и вела себя, как и подобает женщине ее положения. Ее супруг, к сожалению, не достиг высоких чинов, в когда к власти в Кофе пришел король Страбонус, вообще отодвинулся в тень. У госпожи Артезы было несколько детей, являвшихся немедийскими принцами и принцессами крови, но никого из них сюда, в Бельверус, не привозили. Артеза и сама наведывалась на родину всего два или три раза.

Пять лет назад, в 1289 году, король Страбонус покинул этот мир, ввязавшись в неудачную свару с Аквилонским королевством и тамошним правителем, личностью весьма незаурядной и решительной. В результате на престоле Хоршемиша оказался двоюродный брат Страбонуса, Балардус, ставший (по крайней мере, на словах), вернейшим союзником Аквилонии. Даму Артезу и ее мужа на всякий случай возвысили, сделав поклон в сторону Немедии.

В начале этого, 1294 года, старший отпрыск госпожи Эльсдорф решил навестить родину предков.

Так в Бельверусском замке появился Тараск Эльсдорф, человек, вроде бы принадлежащий одновременно к двум правящим династиям и вместе с тем не обладавший ничем, кроме блеска высокого происхождения. Его приняли с полагающимся почетом и размахом, предоставили для проживания пустующее крыло в городском замке наследника, даровали парочку громко звучащих и незначительных по сути должностей, и предоставили самому себе.

– К нам прибыл очередной соискатель славы, – заявила Цинтия, делаясь как-то со мной впечатлениями относительно личности месьора Тараска. – Не спорю, золота у него много, однако он явно жаждет чего-то большего.

– В таком случае ему стоит поискать в другом месте, – заметила я. – Бельверус переполнен охотниками за титулами и богатством. Вдобавок беднягу никто не заметит. Что значит какой-то принц крови, приехавший из Кофа, по сравнению с круговертью, устраиваемой вокруг четырех сыновей короля? Единственное, чего он может добиться – женитьбы на какой-нибудь девице из родственного королю семейства. Эльсдорфы, да простится мне простонародное высказывание, плодятся, как кролики весной.

– Фу! – Цици состроила гримаску и задумчиво добавила: – Кстати, этот Тараск очень даже неплох собой. Наверняка вскоре последуют куртуазные драмы, разбитые сердца будут подсчитываться десятками, а милорд Тараск обретет репутацию дамского погубителя.

– Пожелай ему успехов на сем тяжком поприще, если как-нибудь встретишь в темном уголке, – попросила я, и мы захихикали.

Однако вскоре королевский племянник нашел возможность отличиться. В горах на границах с Аквилонией уже полгода бесчинствовала крупная и неуловимая шайка грабителей, нападавших на торговые караваны, зажиточные деревни и даже взявша штурмом небольшой замок. Пограничная стража никак не могла захватить разбойников, и, когда в столицу пришло очередное паническое донесение, Тараск вдруг предложил свои услуги. Мол, его присутствие при дворе не слишком обязательно, под его рукой ходит опытный отряд, и он всегда будет рад послужить на благо высокородному брату своей дражайшей матушки... Возражений не нашлось – вдруг его светлости в самом деле повезет? – и с луну назад месьор Тараск со своими людьми отправились к Немедийским горам, именем короля наводить справедливость и карать злоумышленников.

Легкое удивление при дворе вызвало то обстоятельство, что вместе с Тараском на охоту за разбойниками отправилась Дженна.

Дженна. Надо признать, это что-то с чем-то! Сложение богини из нордхеймских саг, повадки амазонки и при этом – спокойный, хладнокровный и расчетливый ум, больше подходящий опытному царедворцу или полководцу. Может, эта девица не слишком образована, зато ей не откажешь в знании людей. Никто до сих пор не понимает, как она сумела пробиться в Бельверусский дворец, однако теперь она – неотъемлемая часть двора. Не придворная дама, не фрейлина, не знатная госпожа – просто Дженна.

Если подходить со всей строгостью этикета и происхождения, она – самая настоящая простолюдинка. Правда, очень богатая простолюдинка. Единственная наследница главы Гильдии торговцев пушным товаром из Пограничного королевства. Ее отец заправляет в этой загадочной стране, населенной выходцами со всего Материка и вдобавок народом полуволков-полулюдей, оборотней, едва ли не всей торговлей. Неудивительно, что почтенный господин Стеварт совершал частые поездки в Немедию и был принят при королевском дворе.

Лет пять назад он привез с собой дочку, диковатое и привлекательное создание восемнадцати лет, зовущееся Зенобией из семейства Сольскель. Сочетание вычурного имени, данного матерью-хауранкой, с грубоватым нордхеймским прозвищем рода отца, чьи предки были из Ванахейма, звучало настолько чудовищно, что девушку очень быстро начали переименовывать. Зенобия превращалась в Зенну или Дженну, в Йенну и попросту Йен. Согласитесь, «Йен

Сольскель» намного приятнее для слуха и более соответствует облику носительницы имени.

Девушка из Пограничья на удивление быстро привыкла к городской жизни. Отец, видимо, давно понял, что бесполезно навязывать дочурке какие-то правила поведения и предоставил полную свободу. Дженна, вопреки обыкновению, не ударилась во все тяжкие. Она не пыталась удачно выскочить замуж или стать чьей-то любовницей, хотя от мужчин не бегала. Сначала ее частенько видели в обществе Айрена, посла Бритунии. Его она сменила на ди Рагбе, легата «Немедийского дракона» – если верить слухам, именно он привел ее в Бельверусский замок. От Рагбе сметливая купеческая дочка ушла к Хеннеру, помощнику капитана королевских гвардейцев. Этому, в свою очередь, она предпочла месьора Тараска из Кофа. Но, как утверждает осведомленная буквально во всех делах двора Цици, Дженна не любовница Тараска, а просто... Просто подруга.

Что самое удивительное, Дженна умудрялась избегать непременно возникающих вокруг любой бывающей при дворе женщины сплетен. Ей не требовалось ни золота, ни места при дворе, а со своими поклонниками она ездила на охоту за кабанами, рубилась на мечах на тренировочном плацу и наотрез отказывалась принимать их подарки.

Чем Дженну привлек кофийский гость – оставалось непонятным. Однако вот уже вторую луну он волочился за решительной нордхеймской красоткой, пусть и не добился особых успехов. Не зря же она согласилась прокатиться с ним в Немедийские горы. Хотя кто знает... Может, погоня за разбойниками для Йен Сольскель такое же заурядное развлечение, как стрельба из лука по фазанам?

Моя мать, когда я спросила ее мнения, заявила, что считает Дженну выскочкой и деревенской девчонкой, случайно поймавшей удачу за хвост.

4 день Первой весенней луны.

Сегодня утром в городе во всеуслышание объявлено, что через два дня при дворе состоится празднество, посвященное военным успехам его высочества принца Тараска, а также гуляния для горожан всех сословий, с раздачей

выпивки и угощения за счет казны. Вестри и десяток его особо отличившихся соучеников будут нести охрану во дворце, оттого мой братец носится между оружейной, конюшней и Академией, шпыняет слуг и не замечает ничего вокруг.

А я замечаю. Моим родителям не прислали приглашения. Отец редко бывал на торжествах подобного рода, однако всякий раз, когда из дворца являлась торжественная процессия, привозившая украшенный печатями и вензелями пергамент, матушка немедля отправлялась в грабительский поход по ювелирным лавкам и портнихам, утверждая, что ее предыдущие украшения и наряды никуда не годятся.

Насколько я понимаю, за последние две-три луны отношения между Троном Дракона и герцогом Эрде стали несколько натянутыми. Должность главы Вертрауэна, которую мой отец занимает почти пятнадцать лет, неминуемо сулит возникновением трещин между ним и сильными мира сего. Отцу известно слишком много тайн и скрытых пороков, он знает истинную подоплеку громогласных официальных договоров, причины войн и заговоров, суммы долгов королевских любимчиков и то, о чем шепчутся в тавернах на улицах возле Бычьей площади, где находятся кварталы черни. Неудивительно, что у могущественного Эрде полно врагов. Если же добавить всех, обведенных вокруг пальца моей матерью, то становится удивительно, почему наши с Вестри родители еще живы. Опасно сосредотачивать в своих руках такую же власть, как у короля.

В начале зимы я решилась заговорить об этом с отцом. Спросила, не пугает ли его звание второго человека в Империи. Ведь вторые рано или поздно захотят стать первыми.

– Я не вижу достойных противников, – ответил своей любознательной дочери Мораддин Эрде. – Король, да продлят боги его жизнь, все-таки слишком стар. Канцлер Тимон, который тоже в возрасте, скоро будет вынужден отойти от дел. Наследник же всецело на моей стороне и многим мне обязан... Да, знаю, опаснее враги не явные, а затаившиеся, но и таких пока не обнаружено. Редкий случай, Дана – в Немедийской империи все благополучно!

Сказал – и точно сглазил.

В столице началось нечто странное.

Ни с того, ни с сего умер грозный Шестопер, Йонан Трогвер, высший королевский военачальник, человек еще не старый, герой битв при Лезене и Дьене, живая легенда и давний приятель отца. Тысячник в жизни ничем не болел, хотя жаловался на боль от полученных в сражениях ран и нескольких переломов. Подозревали, что Трогвера отравили, дабы расчистить место претенденту на его звание, однако это не подтвердилось. Временно на освободившееся место назначили кого-то из лучших командиров Шестопера, но должность по сей день оставалась вакантной. Король не находил подходящей замены и не спешил, благо войны ни с кем не предвиделось.

Дальше – больше. От турнирной раны скончался Хальвис, один из доверенных помощников отца. Во время оленьей охоты лошадь скинула госпожу Ранолли, честолюбивую и умную фаворитку наследника Немедии. Внезапная лихорадка унесла младшего сына месьора Виграса, носившего титул королевского смотрителя рудных промыслов и часто захаживавшего в дом герцога Эрде. Виграс после этого начал излишне злоупотреблять вином, став затворником в собственном доме. А молодой Уриене, успешно выполнявший для отца какие-то поручения в Аргосе, повесился, якобы обнаружив неверность жены...

– Все это выглядит очень естественно, и потому я на ломаный сикль не верю!

Так убежденно сказала моя мать, и я это слышала, хотя родители не догадывались о моем присутствии. Они разговаривали в Синей гостиной, а я сидела за ширмой, вполглаза почитывая трактат о постройке Дороги Королей. Конечно, я могла бы встать и выйти... но решила остаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/loknit_olaf-b-orn/alaya-pechat

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)